

вечной гармонии человеческой жизни и бытия. Уже живя в эмиграции, о своей «звездной стране» надежды с афористическим блеском поэтесса писала: «Увы, разделены они — / Безвременность и Человечность. / Но будет день: совьются дни / В одну — Трепещущую Вечность» («*Eternite fremisante*», 1933). Пожалуй, трудно найти более глубокую и более емкую эмблематическую формулу для выражения не только эстетической философии и религиозной метафизики Г., но и единственного в своем роде стиля и внутреннего пафоса ее исповедально-интеллектуального творчества, чем та, которая была найдена ей самой у философа В. С. Соловьева: «Торжество вечной жизни — вот окончательный смысл вселенной. Содержание этой жизни есть внутреннее единство всего, или — Любовь; ее формула — Красота, ее условие — Свобода» (О любви // Гиппиус З. Незвестная проза: в 3 т. Т. 1. С. 459). Незадолго перед кончиной Г. делает свою последнюю запись: «Я стою мало. Как Бог мудр и справедлив». В последний момент перед смертью «две слезы стекают по ее щекам» и на ее лице появляется «выражение глубочайшего счастья» (Злобин В.— С. 137, 139–140). Мятущаяся душа Г., пройдя круги ада страданий и покаяния, видимо, обрела, наконец, покой и гармонию. «Божественные созерцания,— писал подвижник XX в. старец Софроний,— даются человеку не тогда, когда он их, и именно их, ждет, а тогда, когда душа сойдет в ад покаяния и действительно ощутит себя хуже всякой твари» (Русская лит-ра. 1994. № 4. С. 195).

Значение Г. для истории русской лит-ры, культуры и опыта духовных исканий огромно и поучительно, ибо «среди поэтов XX века по силе и глубине переживаний вряд ли найдется ей равный» (Злобин В.— С. 6). «Одним из умнейших и даровитейших писателей своего времени» считал ее Струве (Струве Г. П. Русская лит-ра в изгнании. Париж, 1984. С. 134). «Как сильный, самостоятельный поэт, сумевший рассказать нам свою душу, как выдающийся мастер стиха, Гиппиус,— писал В. Брюсов,— должна навсегда остаться в истории нашей литературы» (Брюсов В. Я. Среди стихов. 1894–1924: Манифесты. Статьи. Рецензии. М., 1990. С. 463).

Соч.: СС. Т. 1–4 / сост., прим. Т. Ф. Прокопова. М., 2001; Соч.: романы: в 2 т. / вступ. статья и комм. Т. Г. Юрченко. М., 2001; Пьесы. Л., 1990; «Кто бури знал...»: Стихотворения. Воспоминания о Религиозно-философских собраниях / вступ. статья Евг. Барabanова; «Писано за час до Манифеста»: Письмо З. Н. Гиппиус

к Д. В. Философову / публ. и послесл. Евг. Бенья // Наше наследие. 1990. № 4(16); Соч.: стихотворения. Проза / сост., вступ. статья, комм. К. Азадовского, А. Лаврова. Л., 1991; Стихотворения. Романы / предисл., прим. Н. В. Королевой. М., 1996; Стихотворения / вступ. статья, прим. А. В. Лаврова. СПб., 1999; Дневники: в 2 кн. М., 1999; Проза поэта: Зинаида Гиппиус. М., 2000; Живые лица / вступ. статья, комм. А. Н. Николюкина. М., 2002; Незвестная проза: в 3 т. / сост., вступ. статья и прим. А. Н. Николюкина. Т. 1: Мечты и кошмар (1920–25). Т. 2: Чего не было и что было (1926–30). СПб., 2002. Т. 3: Арифметика любви (1931–39). СПб., 2003.

Лит.: Шагинян М. С. О блаженстве имущего: Поэзия З. Н. Гиппиус. М., 1912; Шагинян М. С. Человек и время. М., 1982; Злобин В. Тяжелая душа. Вашингтон, 1970; Терапиано Ю. К. Лит. жизнь русского Парижа за полвека (1924–1974): Эссе, воспоминания, статьи. Париж, 1984; Белый А. Начало века. М.; Л., 1933 (М., 1990); Белый А. Между двух революций. Л., 1934 (М., 1990); Соболев А. Л. Мережковские в Париже (1906–1908) // Лица: биографический альбом. М.; СПб., 1992. С. 319–371; Философов Д. В. Дневник (1917–1918) / вступ. статья, подгот. текста и прим. Б. Колоницкого // Звезда. 1992. № 1–3; Савельев С. Н. Жанна д'Арк русской религиозной мысли. Интеллектуальный профиль З. Гиппиус. М., 1992; Багно В. Е. «Красный» цикл писем Зинаиды Гиппиус к Зинаиде Венгеровой // Русская лит-ра. 1998. № 1; Маковский С. К. На Парнасе Серебряного века. М., 2000; Аксенова А. А. Гиппиус З. Н. // Лит. энциклопедия Русского зарубежья (1918–1940). Т. 4. Ч. 1. М., 2001; Зинаида Гиппиус. Новые материалы. Исследования. М.: ИМЛИ РАН, 2002.

В. С. Федоров

ГИТОВИЧ Александр Ильич [1(14).3.1909, Смоленск — 9.8.1966, Ленинград] — поэт, переводчик.

Вырос в семье управляющего лесопильного завода Геллера. Обучался в Первой показательной школе Смоленска, где «издавал» с другом рукописный ж. «Двое». Тогда же вступил в местную артель художников слова «Арена», что вызвало тревожное письмо родителей: «Их сын из-за своего увлечения поэзией перестал учиться и рискует остаться на второй год» (Хренков Дм.— С. 10). Тем не менее вслед за «Ареной» Г. стал членом лит. объединения при газ. «Рабочий путь», которое возглавлял М. Исаковский и с которым были связаны А. Твардовский, Н. Рыленков. Первые стихи (о подавлении гамбургского восстания) Г. напечатал в этой газ. (**Новый год: Германия** // Рабочий путь. 1924. 1 янв.). В отличие от др. писателей-смоленцев того времени, увлеченных местным колоритом, Г. испытывал влияние Н. Гумилева и Р. Киплинга, что, возможно, и привлекло к нему внима-

А. И. Гитович

ние Н. Тихонова. В 1927 переехал в Ленинград, вступил в лит. группу «Смена» (руководитель В. Саянов, члены — Б. Корнилов, О. Берггольц, Б. Лихарев и др.). С 1929 начались поездки Г. в составе лит. бригад по стране (Средняя Азия, Заполярье), созвучные его романтическому умонстроению, обучение на географическом ф-те ЛГУ, участие в коллективных сб. «Разбег» (1929, вместе с Б. Лихаревым, А. Чуркиным, А. Прокофьевым); «Приказ о мобилизации» (1931, вместе с Н. Брауном и А. Прокофьевым); «Салют» (1932, вместе с А. Прокофьевым). В 1931 выходит его первая поэтическая книга **«Мы входим в Пишпек»** (М.; Л., серия «Совр. пролетарская лит-ра»).

Критика одобрила органическое сращение в этих стихах темы Востока с темой военной защиты Отечества, хотя и не преминула укорить автора в «некритической учебе у классиков» (Ленинград. 1932. № 2) и в «реакционном влиянии» на него «Столбцов» Н. Заболоцкого (На лит. посту. 1932. № 4). В 1931–32 Г. служил в полку конной артиллерии, по впечатлениям этих лет создана книга **«Артполк»** (1934). Самым популярным стих. сб. стал **«Андрей Коробичын»** (1932) — о подвиге советского пограничника на финской границе. Но уже тогда, наряду с романтизацией «гула артиллерийского полка», у Г. обнаружилось и углубле-

ние в общефилософское чувство мира, когда мы «падаем во мрак небытия» (цикл **«О коне. Три стихотворения»**). В 1930-е Г., особенно при выступлениях в группе «Ленинград» (А. Прокофьев, Б. Лихарев, Н. Браун, В. Саянов), даже афишировал свою «воинскую статью». «Летный шлем, подаренный авиаторами, заменял ему кепку или шапку. Он носил краги, курил, разумеется, трубку, играл в теннис, стремился походить на героя тихоновской поэзии» (Хренков Дм.— С. 34). И одновременно обратился к горестной любовной лирике (цикл **«Разлука. Единственное невестное путешествие»**, 1939), мужественно откликнулся на арест старшего друга — Н. Заболоцкого — публикацией стих. **«Давным-давно, не знаю, почему...»** (1939). К тому времени, стремясь сохранить связь времен, Г. возглавил при Ленинградском Доме писателей объединение молодых поэтов, где обучались лит. мастерству В. Шефнер, А. Чивилихин, В. Лифшиц, А. Лебедев и др., чьи занятия посещали тот же Н. Заболоцкий, Ю. Тынянов, А. Ахматова.

Во время Отечественной войны, освобожденный по состоянию здоровья от воинской службы, Г. ушел в народное ополчение. Работал в газ. «На защиту Ленинграда», совершил 14 боевых вылетов с летчиками. Был военным корреспондентом на Ленинградском и Волховском фронтах, участвовал в войне с Японией. Лучшее из поэтических произведений этих лет — мистификация: стихи некоего Анри Лякоста, якобы участника французского Сопrotивления (1943, написаны в госпитале). Так и получилось, что в русской поэзии Г. утвердился не энергичными стихами «на злобу дня», а «современным прочтением» и воспроизведением мировой классики. Остались в анналах истории его **«Стихи о Корее»** (1958). Зато переложения Г. из классической китайской лирики (особенно Ду Фу и Ли Бо), к которой он обратился в послевоенные годы, продолжают жить как шедевры русской поэзии, а поздние оригинальные циклы Г. (**«Пир в Армении»**, 1965–66; **«Зимние послания друзьям»**, 1950–66) проявляют свойства могучей инородной культуры в ее пластическом лаконизме.

Вот отзывы современников о Г.: «Гитович — поэт высокой дисциплины стиха» (А. Ахматов; цит. по: Хренков Дм.— С. 127); «Он был строг и беспощаден и к себе, и к своим товарищам. Об этом лучше всего свидетельствуют его стихи, весомость и точность его прекрасных переводов классических китайских поэтов...» (Дудин М. // Дорога света.

Суперобл.); «Стихи Александра Гитовича современны, ибо они мужественны» (Шефнер В. Гитович А. Стихотворения. Л., 1982. С. 6).

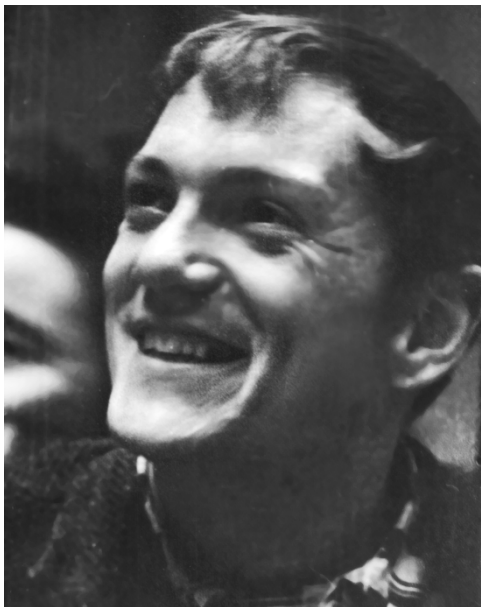
Соч.: Стихи (1928–1934). Л., 1934; Фронтовые стихи. Л., 1943; Из китайской и корейской поэзии / пер. А. Гитовича. М., 1958; Лирика китайских классиков / В новых переводах А. Гитовича. Л., 1962; Дорога света. Л., 1968; Избранное. Л., 1973; 1978; Стихотворения. Л., 1982.

Лит.: Рождественский Вс. Страницы жизни. М.; Л., 1974. С. 402–417; Хренков Дм. Александр Гитович: Лит. портрет. Л., 1969; Шефнер В. Александр Гитович // День поэзии. Л., 1976. С. 331–332; Александр Прокофьев: Вспоминают друзья. М., 1977; Македонов А. Александр Гитович // День поэзии. Л., 1979. С. 392–393; Семенов Б. Как о живом среди живых // День поэзии. Л., 1979. С. 395–398.

Г. В. Филиппов

ГЛАДИЛИН Анатолий Тихонович [21.8.1935, Москва] — прозаик.

Окончил школу в Москве в 1953. Яркое представление о юности Г. дают такие его произведения, как повесть «Хроника времен Виктора Подгурского», роман «История одной компании», герои которых завершили среднее образование в памятный год смерти Сталина. Подобно своему персонажу Виктору Подгурскому, Г., потерпев неудачу на вступительных экзаменах в вуз, работал электриком в научно-исследователь-

А. Т. Гладилин

ском ин-те. В 1954–58 учился в Лит. ин-те им. Горького. Публикация в 1956 «Хроники времен Виктора Подгурского» принесла Г. широкую известность и положила начало т. н. «исповедальной прозе». Как и в последующих книгах «исповедальщиков» (к их числу тогдашняя критика относил Г. Садовникова, В. Московкина, Л. Жуховицкого, А. Кузнецова, В. Аксенова), героем повести Г. стал молодой мечтатель, для которого вступление в самостоятельную жизнь совпало с началом «оттепели» в общественной жизни конца 1950-х — начала 1960-х.

Не сумев поступить в ин-т, Виктор Подгурский надолго потерял уверенность в себе. Постепенно, однако, герой обретает спокойствие, поступает на работу, все в его жизни налаживается. По сути дела, Г. воспроизвел сюжетную схему широко распространенного в те годы «производственного» романа о молодом герое: первые неудачи и разочарования, а затем начало трудовой жизни и духовное мужание под влиянием коллектива. Однако сходство здесь кажущееся. В центре внимания Г. частная жизнь героя, а не его общественно-полезная деятельность, отсюда и совершенно иная, чем в тогдашней «официальной» лит-ре, система ценностных ориентаций. Неудача на экзаменах для Подгурского оборачивается в какой-то мере благом: он внезапно выпадает из отлаженного механизма, оказывается вне системы — один на один с самим собой. «Безделье», за которое упрекают Виктора окружающие, приносит чувство свободы и способность самостоятельно размышлять. Все переживания и поступки героя носят подчеркнуто приватный характер. Подгурский не хочет знать текущей перед ним общественной жизни — он не читает газет, а о радиоприемнике говорит, что самая полезная его деталь — выключатель.

Следующим этапным произведением Г. стала также рассказывающая о самоопределении молодого героя повесть «Бригантина поднимает паруса» (1957). Вся она, начиная с эпиграфа, строится как спор с бытовавшими в те годы расхожими книжными представлениями о реальности, с казенным оптимизмом передовиц. Как и в «Хронике...», Г. берет за основу стандартное сюжетное построение очерка-штампа «о юноше, которому было поначалу трудно, но под влиянием общественности он преодолел эти трудности». Но если в первой повести полемика с шаблоном скрыта в подтексте, то в «Бригантине...» она становится важнейшим стилиобразующим фактором. Проницательное ироничное повествование построено на контрасте казенно-